

мое „Охранной стражей“. Оно вообще держится правительством в секрете, для более удобного отправления своих функций. Цель стражи – охранение личной безопасности царя и прочих высокопоставленных лиц. Стражники имеют чисто военную организацию со строгой дисциплиной, но костюмы носят всевозможные: иногда гражданские, иногда мундиры разных форм. Переодетые таким образом, они повсюду сопровождают царя. Большая часть так называемой толпы, окружавшей Александра II во время покушения Соловьева, состояла из стражников. Жандарм Кох, ударивший Соловьева саблей, также стражник, и в награду за свой подвиг теперь назначен начальником охранной стражи, на место генерала Гаазе (Ф.Ф. Гаазе был не генералом, а статским советником. – *А.В.*). Это тайное сообщество, число членов которого в настоящее время свыше 1 тыс. человек, находится под непосредственным начальством императора и держится в такой тайне, что подробности его организации до сих пор еще не вполне раскрыты» [6, с. 302].

Заметка об охранной страже, сведения о которой составляли государственную тайну Российской империи, в нелегальном народническом издании – первое и единственное упоминание об этой организации, созданной в апреле 1866 г. Опубликование народниками явно преувеличенных данных о службе собственной безопасности и многочисленные агентурные донесения о подготовке новых покушений вынудили III отделение усилить меры по охране царя.

Так, после приезда в конце июня 1879 г. Александра II из Крыма в помощь охранной страже были выделены 50 «лучших нижних чинов» из гвардейской стрелковой бригады, а в августе всю охранную стражу вооружили револьверами.

Тем не менее, несмотря на все «экстренные и чрезвычайные меры», принимавшиеся для обеспечения безопасности царя III отделением, корпусом жандармов и охранной стражей, полицейско-жандармским органам не удалось предотвратить приведение в исполнение смертного приговора, вынесенного Александру II исполнительным комитетом «Народной воли» в августе 1879 г. 1 марта 1881 г. Александр II был убит. Ни агенты и стражники, ни сопровождавшие в тот день царя капитан Кох и полицмейстер Дворжецкий не сумели помешать Н.И. Рысакову, а затем и И.И. Гриневецкому бросить бомбы.

После покушения охранная стража подверглась значительной реорганизации и просуществовала до начала марта 1917 г., когда брат Николая II Михаил отказался принять царский престол и предоставил решение вопроса о форме правления в России будущему Учредительному собранию.

Библиографические ссылки

1. Венюков М.И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878. Т. 4. Вып. 2. Прага, 1880.
2. Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. 109. III эксп. Д. 48.
3. Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 3. М., 1913.
4. Дневник Д.А. Милютин. Т. 3. 1878–1880. М., 1950.
5. Кункль А. Покушение Соловьева. М., 1929.
6. Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д, 1907.

Дата поступления в редакцию: 26.10.2011

УДК 340.113

С.В. Липень, кандидат юридических наук, доцент;

В.А. Маджарова, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

НЕОБХОДИМОСТЬ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПРАВА – ОСНОВНОЕ ТРЕБОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Рассматривается одно из важнейших на сегодняшний день требований к содержанию нормативного правового предписания – требование социальной адекватности права. Учитывая то, что данное требование является многовекторным, оно рассматривается еще и с точки зрения гносеологии и логики. Кроме того, авторами дается ретроспективный обзор развития и становления данного требования, проводится анализ как отечественных, так и зарубежных источников по данной проблематике, на основании которого делаются выводы и предлагаются пути достижения обозначенного требования в процессе подготовки нормативных правовых актов.

Article is devoted one of the major for today of requirements to the maintenance of the standard legal instruction – to the requirement of social adequacy of the right. Considering that the given requirement is multivector, it is considered also from the point of view of gnoseology and logic. Besides, authors give the retrospective review of development and formation of the given requirement, the analysis both domestic is carried out, and foreign sources on the given problematics on which basis conclusions become and ways of achievement of the designated requirement in the course of preparation of standard legal certificates are offered.

В настоящее время в работах по юридической технике в качестве требований к нормативным правовым предписаниям называются ясность, точность, краткость, единообразие терминологии и использование официально-делового стиля языка. Примерно такой же перечень требований содержится и в законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». По нашему мнению, эти требования относятся в большей степени к технической стороне формулирования содержания нормативного правового предписания. Думается, что в настоящее время в качестве одного из основных содержательных требований к нормативным правовым предписаниям выступает требование социальной адекватности права.

Сразу оговоримся, что требование социальной адекватности права отнюдь не ново. На то, что одним из главных требований к составлению нормативных предписаний является соответствие общественным отношениям, внимание обращалось давно. Так, еще в начале XX в. Ф. Жени подчеркивал важность основного «морального и социологического элемента» законодательства, имея в виду требования к содержанию нормативного правового акта [3, с. 177]. В дореволюционной работе Д.Д. Гримма в качестве одной из методологических задач юридической науки выдвигается необходимость постановки общего вопроса «о действительном соотношении, о характере связи юридических институтов с регулируемыми ими конкретными отношениями, о возможных в этом отношении комбинациях» [2, с. 14]. Юридическая наука, по мнению ученого, заблуждается, рассматривая правовые нормы как адекватно отображающие общественные отношения или думая, что между правовыми нормами и общественными отношениями существует какая-то «предустановленная формальная гармония» [2, с. 9].

Следует отметить, что содержание данного требования к нормативному материалу, которое носит по своей сути социологический характер, весьма многообразно. В связи с этим видится, что есть смысл рассмотреть основные моменты содержания указанного требования.

Так, среди гносеологических правил юридической техники называется научность содержания нормативного акта как результат познавательного-преобразовательной деятельности законодателя, который позволяет достичь тождества категорий сущего и должного в законе и объективных реалий материального мира, призванных регулироваться данным законом. В этом контексте гносеологическая задача законодательной техники – адекватное отражение в тексте закона явлений объективной действительности [4, с. 114–115].

В качестве основных логических особенностей содержания закона Н.Ф. Ковкель называет прежде всего соответствие содержания закона основным социальным закономерностям [7, с. 104–132]. Вышеуказанный автор – одна из немногих, кто в своей работе раскрывает данное требование к формулированию правовых норм с рассмотрением различных его аспектов.

По мнению Н.Ф. Ковкель, на новый уровень исследование требования соответствия правовых норм основным социальным закономерностям было выведено Н.В. Сильченко. В частности, он сформулировал проблему определения границ соответствия юридического закона социальным законам, т. е. уточнение того, о каком соответствии идет речь и всегда ли оно возможно и необходимо [7, с. 107]. Отметим, однако, что основные выводы белорусского ученого опираются на положения социологических юридических теорий последней трети XIX – начала XX в., когда, собственно говоря, данная проблема и была поставлена, обозначены используемые и сейчас аргументы, сделаны многие выводы, не утратившие теоретического значения до настоящего времени.

По мнению Н.В. Сильченко, закон никогда не может быть полностью адекватным регулируемым им общественным отношениям. Он имеет определенную меру адекватности, которая должна учитываться и соблюдаться законодателем. Поэтому «искусство законодателя во многом определяется тем, насколько он в состоянии сбалансировать в каждом конкретном случае стабильность закона с адекватностью его содержания регулируемым отношениям (предмету регулирования)» [10, с. 45].

С этим же соглашается и Н.Ф. Ковкель, приводя разные аргументы логического характера для доказательства невозможности полного, адекватного отражения в содержании закона закономерностей общественного развития [7, с. 107–109].

Следовательно, для того чтобы нормативный правовой акт эффективно регулировал общественные отношения, «подпадающие» под пределы его действия в процессе законотворчества, необходимо:

подвергнуть конкретные объективные социальные закономерности всестороннему, комплексному изучению в их системном единстве;

учесть особенности их действия в конкретных условиях места и времени;

выявить перспективы их развития, а затем, в соответствии с полученными результатами и учетом перспектив развития, видится возможным конструировать концепцию закона, формулировать его основные цели и задачи. Кроме того, выражая солидарность с Н.Ф. Ковкель [7, с. 110], подчеркнем, что в связи с объективной невозможностью лишения погрешностей прогнозирования развития социальных законов содержание нормативных правовых актов через какой-то временной промежуток потеряет согласованность с ними. Отсюда вытекает объективная необходимость постоянной корректировки нормативной правовой базы. С учетом сказанного особое значение приобретают специальные механизмы выявления основных закономерностей общественного развития и учет результатов их действия в законопроектах. В качестве таких механизмов в литературе указываются проведение социологических, юридических исследований, социологическая экспертиза законопроектов и т. д. [7, с. 110–111].

В юридической литературе в наибольшей степени содержание требования соответствия правовых норм социальной реальности, его точного отражения и необходимого развития раскрыто в работах А. Нашиц и Т.В. Кашаниной.

Главным при создании правовых норм А. Нашиц считает «...тесную связь, существующую между социальной обусловленностью права факторами, воздействующими на его формирование, и правотворчеством...» [9, с. 135]. Поэтому ученый на первый план выдвигает общие требования для выработки правового решения по существу, это:

требования соответствия существа правовых решений общим принципам и направлениям законодательной политики, а через них – объективным и субъективным общественным потребностям [9, с. 100–112];

требование учета возможностей, существующих в конкретных условиях каждого этапа общественного развития, для проведения в жизнь намеченных решений [9, с. 112–116];

необходимость правильного предвидения последствий принимаемых решений и предупреждения побочных социальных последствий, не отвечающих целям законодательной политики [9, с. 120–122];

необходимость достижения равновесия между различными – совпадающими и несовпадающими – индивидуальными интересами и приведения их в соответствие с общими социальными интересами [9, с. 122–131];

требование соответствия юридических решений принципам и ценностям того типа права, частью которого они должны стать, а также общечеловеческим требованиям и ценностям в их понимании передовой мыслью данной исторической эпохи [9, с. 131–135].

Т.В. Кашанина прежде всего обращает внимание на общую категорию качества законодательства, под которой понимает внутренне присущую его форме и содержанию совокупность социальных и юридических свойств, обуславливающих пригодность законодательства удовлетворять определенные потребности общества [6, с. 144]. С высоким качеством законов, эффективностью законотворчества справедливо связывается необходимость соблюдения требований юридической техники и в других изданиях [5, с. 241].

Среди критериев качества законодательства называют отражение воли государства. Законодательство должно выражать волю правотворческого государственного органа, а через него и волю государства. Поскольку предполагается, что государственные органы должны действовать в интересах и во благо народа, то и в законодательстве должна находить отражение воля народа. Таковы теоретические постулаты, которые, как отмечает Т.В. Кашанина, на практике далеко не всегда находят применение [6, с. 144]. В рамках требований законодательной техники лишь в единичных работах идет речь о том, что правовые нормы должны отражать не толь-

ко интересы государства, но и интересы граждан. Так, в частности, Р.Ф. Васильев указывает, что нормативные акты должны приниматься в интересах граждан [1, с. 90], а Т.В. Кашанина среди прочих содержательных требований юридической техники указывает и демократичность, предполагающую ориентацию на интересы народа [6, с. 147–148].

По всей видимости, в рамках отражения индивидуальных и общественных интересов в тексте правовой нормы можно рассматривать специально выделяемое Т.В. Кашаниной в числе содержательных правил юридической техники требование соответствия нормам морали. Моральные нормы являются значимым регулятором общественных отношений, и с этим надо считаться. Законодатель в отличие от простых людей, которые подвержены страстям, не имеет права поступать вразрез с нормами морали. Отсюда следует безусловное правило: нормативные акты, противоречащие нормам морали, не имеют права на жизнь [6, с. 160]. Тем не менее исходя из того, что поступок, порицаемый с точки зрения морали, может являться ненаказуемым с точки зрения права (моральные и правовые нормы совпадают не всегда) – вывод весьма спорен.

Общие содержательные требования к составлению правовых предписаний (по Т.В. Кашаниной) – обоснованность, целесообразность, эффективность, экономичность, реальность, оптимальность, своевременность, стабильность и др. Думается, что в качестве отдельных требований все эти свойства в качестве самостоятельных выделять не следует, поскольку их раздельная характеристика приводит к многочисленным повторам аргументации, что признает и сама Т.В. Кашанина. Характеристики нормативных предписаний как предписаний в достаточной степени обоснованных, целесообразных, эффективных, реальных, оптимальных, своевременных и т. д. взаимосвязаны между собой. Тем не менее остановимся на характеристиках данных требований как положений, поясняющих общую способность правовых норм точно отражать социальную реальность и развивать общественные отношения исходя из интересов личности, государства.

Требование обоснованности означает, что нормативные акты должны приниматься с учетом объективных и субъективных факторов в соответствии с закономерностями и тенденциями развития общества. Это требование, по мнению Т.В. Кашаниной, включает в себя необходимость тщательного исследования и учета действия экономических, политических, экологических и других закономерностей развития жизни общества, социальных потребностей. При этом необходимы не только анализ существующих потребностей в принятии нормативных правовых актов, но и правильное прогнозирование последствий принимаемых решений, а также предупреждения побочных последствий, не отвечающих целям правового регулирования; необходимы и сравнительно-правовые исследования. Все эти соображения должны находить отражение в пояснительной записке, представляемой вместе с проектом нормативного акта [6, с. 161]. Принимаемые правовые решения всегда несут в себе элементы субъективизма и поэтому всегда сохраняют возможность неадекватного отражения в них общественных потребностей. Для того чтобы вероятность такой возможности была сведена к минимуму, важно учитывать многофакторность объективной действительности, где переплетаются мораль, политика, культура и т. д. [8, с. 282].

Когда речь идет о способности нормативного правового акта по своему содержанию в наибольшей степени отвечать соответствующим интересам (общества, государства, граждан) в реальных условиях, говорят о его целесообразности [6, с. 160]. Эффективность рассматривается как достижение с наибольшим результатом целей, лежащих в основе принятия нормативного акта [6, с. 161–162], а экономичность – как соотношение между ценностью полученного результата действия акта и произведенными затратами [6, с. 163–164].

Требование реальности означает выполнимость нормативного акта, осуществимость его предписаний и выражается в обеспеченности нормативного акта материальными, финансовыми, трудовыми, техническими ресурсами, в установлении необходимого количества времени для его выполнения, поэтому необходим учет возможностей, существующих в конкретных условиях общественного развития [6, с. 164–165]. Требование оптимальности предполагает выработку наилучшего нормативного акта при данных условиях и ресурсах [6, с. 165–166] (его содержание, как отмечает сама же Т.В. Кашанина, почти идентично предыдущим требованиям). Как отмечают Т.Н. Москалькова и В.В. Черников, запутыванию нормативного материала, его нагромождению способствуют также фиктивные нормы и положения, которые невозможно

реализовать на практике. Кроме не востребованности вымышленные положения подвергают порой сомнению истинность правовых норм, приводят к ошибкам в правоприменении, дефектным действиям [8, с. 256].

К содержательным требованиям относится и требование своевременности. Правовые предписания должны быть необходимыми и важными именно на данном этапе общественного развития. Некоторые авторы выделяют требование оперативности (нормативные акты должны приниматься, когда их исполнение принесет наилучший результат; при изменении требований общественной жизни внесение изменений и дополнений в нормативный акт должно быть незамедлительным, чтобы новые социальные условия быстро нашли в нем отражение) [6, с. 162]. Правотворческий орган должен постоянно следить за состоянием законодательства, его качеством и эффективностью действия, возможным изменением регулируемых ситуаций и общественных потребностей [8, с. 282].

Стабильность содержания нормативного акта связана с необходимостью регулировать не только существующие общественные отношения, но и отношения, которые возникнут в будущем. Требование стабильности должно учитываться в правотворческой деятельности, когда принимаются во внимание не только ближайшие по времени результаты правового регулирования, но и возможность решения перспективных задач. Правовое регулирование должно быть эластичным, рассчитанным не только на настоящее, но и на будущее, заранее предвосхищать возможные новые жизненные вариации [8, с. 283]. Однако, отмечает Т.В. Кашанина, на практике нормативные акты часто принимаются исходя не из перспективного плана, а из сиюминутной необходимости, что сказывается на качестве нормативно-правовой базы [6, с. 163]. Такое положение вещей объективно связано с тем, что во втором из вышеуказанных случаев невозможно в должном объеме изучить объективные социальные закономерности, учесть особенности их действия и выявить перспективы их развития.

Таким образом, считаем возможным говорить о том, что требование социальной адекватности права действительно является одним из доминирующих, сложных и многовекторных требований. В качестве путей достижения этого требования в тексте нормативного правового акта можно обозначить, во-первых, необходимость изучения объективных закономерностей развития конкретных общественных отношений и исходя из этого – выявление возможностей законодателя по их урегулированию; во-вторых, учет особенности их действия в конкретной ситуации, максимально возможное выявление перспектив их развития и предупреждение побочных социальных последствий, не отвечающих целям законодательной политики; в-третьих, соответствие нормативных предписаний моральным нормам, действующим в конкретном государстве.

Тем не менее следует отметить, что достижение соответствия текста нормативных правовых актов рассмотренному требованию, даже при оптимальном выборе путей, невозможно без соблюдения законодателем требований обоснованности, целесообразности, эффективности, реальности и стабильности.

Библиографические ссылки

1. Васильев Р.Ф. Правовые акты органов управления : учеб. пособие. М. : МГУ, 1970.
2. Гримм Д.Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями. М. : [б. и.], 1914.
3. Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях (по поводу столетнего юбилея французского гражданского кодекса) // Журн. М-ва юстиции. 1906. Кн. 9.
4. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии : науч.-практ. пособие / отв. ред. Р.Ф. Васильев. М. : Юриспруденция, 2000.
5. Законотворчество в Российской Федерации : науч.-практ. и учеб. пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Формула права, 2000.
6. Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007.
7. Ковкель Н.Ф. Логика и язык закона : монография. Минск : Право и экономика, 2009.
8. Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2011.
9. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника : пер. с рум. / под ред. Д.А. Керимова, А.В. Мицкевича. М. : Прогресс, 1974.
10. Сильченко Н.В. Закон (проблемы этимологии, социологии и логики). Минск : [б. и.], 1993.

Дата поступления в редакцию: 14.10.2011

УДК 341.111.52+340.12

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, ВРИД начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: НА ПОРОГЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Обосновывается необходимость введения принципиально нового типа анализа субъектности в праве, способного адекватно фиксировать глобализационные изменения в национальном правовом пространстве. Рассматривая глобализацию не через институциональные, а через антропологические изменения, т. е. через распространение новых моделей правового поведения, при законодательном конструировании правовой субъектности автор предлагает анализировать не экспортируемый из глобального правового пространства нормативный образ субъекта права, а модель правового человека, которая представляет собой становящуюся правовую субъективность, складывающуюся как под воздействием дискурсивных юридических практик, так и под воздействием техник себя, в которых реальный субъект права обращается к себе по поводу юридического.

In the article necessity of entering of essentially new type of the analysis subjectivity in the law is proved, capable adequately to fix globalisation changes in national law space. Considering globalisation not through institutional, and through anthropological changes, i.e. through distribution of new models of legal behaviour, at legislative designing legal subjectivity the author suggests to analyze a standard image of the person of law not exported from global legal space, and model of the legal person which represents the becoming legal subjectivity developing both under influence discursive legal practice, and under influence the technician of in which the real subject of law addresses to itself concerning the legal.

Помимо инструментальных возможностей права по регулированию отношений в обществе его значение также заключается в сохранении и трансляции социальной онтологии. Право нормативным порядком задает онтологическую матрицу в обществе, которую оно фиксирует своеобразным путем в зависимости от ситуации, в которой происходит его формирование. До недавнего времени было очевидно, что в этом плане право так или иначе отражает основные предикаты мироустройства конкретного общества. Правовая онтология в таком случае концентрированно выражает себя через правовую аксиологию, т. е. через те ценности общества, которые легитимируются в правовых текстах. Для этого как минимум необходимы два условия: во-первых, наличие самого общества в традиционном понимании (цельное общество, объединенное прежде всего общим полем антропологических практик как типов видения и освоения мира) и, во-вторых, наличие иерархизированных социальных ценностей, которые в цельном обществе всегда кристаллизуются. Наличие этих двух условий обеспечивает такую конфигурацию социальности, которая может воспроизводиться и поддерживаться правовой системой.

Во второй половине XX в. наступила ситуация постмодерна. В обществе постмодерна, как одним из первых на Западе его охарактеризовал Ж.-Ф. Лиотар, происходит утрата легитимации метанарративов, которые ранее выполняли роль социальных скреп. Системы ценностей, в том числе поддерживаемые национальными системами права, под воздействием экономических, технологических, политических, культурных и иных факторов стали подвергаться девальвации. Вслед за этим началась девальвация самого национального государства. «Идея, что знания принадлежат „мозгу“ или „духу“ общества, а значит – Государству, – говорит Ж.-Ф. Лиотар, – постепенно отживает по мере усиления обратного принципа, согласно которому общество существует и развивается только тогда, когда сообщения, циркулирующие в нем, насыщены информацией и легко декодируются. Государство начинает проявлять себя как фактор непроницаемости и „шума“ для идеологии коммуникационной „прозрачности“, которая идет в паре с коммерциализацией знаний» [4, с. 20–21]. В итоге возникает концепция минимального государства. Традиционное государство рассматривается исключительно как репрессивная субстанция. Всякие границы и ограничения, в том числе государственные границы, должны быть сняты, чему активно способствуют открытые в 60–80-х гг. XX в. технологии (IT). На смену государству постепенно приходит идея глобального пространства, в котором должны быть переплавлены все локальные идиомы, все своеобразные культурные сегменты, в том числе и национальное право. Так возникает противоречие национального правового уклада и глобализационных процессов, которые изначально фундированы на универсалистской платформе.

Национальное право и глобализация. Национальные правовые системы связаны определенным полем антропологических практик и ценностной сеткой общества. Причем трансляция и воспроизводство правового содержания специфическим образом сцеплены с антропологиче-